

Стал идиш для него судьбой

16.12.2020

Биробиджанер Штерн

В один из дней нежданно-негаданно получил телеграмму из Биробиджана: «Приезжайте тоже». И оставив в Жлобине родных, Гирш отправился в дальний путь. Он проехал и прошел по земле автономии вдоль и поперек

*«Он идет по тропинке... Как держится прямо!
И живет точно так же он: стойко, упрямо,
Гордо, но без желанья обидеть другого:
Словом можно убить, может вылечить слово.
И я долго гляжу ему вслед, забывая,
Что всю жизнь его вижу, а стало быть, знаю.
Словно день этот новый – для нового взгляда,
и мне снова узнать и понять его надо».*

Гирш Добин с сыном Владимиром

Эти стихи поэт и журналист Владимир Добин посвятил светлой памяти своего отца – писателя Гирша Израилевича Доби́на, прожившего долгую, насыщенную событиями жизнь, творившего на языке идиш. Со дня рождения Гирша Доби́на исполнилось 115 лет, и это повод рассказать о талантливом литераторе, не перестававшем быть еврейским писателем даже тогда, когда в бывшем Советском Союзе по идиш-культуре был нанесен удар, от которого она не оправилась за минувшие с той поры десятилетия.

На свет Гирш появился в белорусском Жлобине. Рос в нужде. Учился в хедере, а точнее – в бесплатной школе для детей из бедных семей. Еврейская жизнь запомнилась Гиршу, в

период его отрочества, пятью синагогами в городке, национальным клубом и библиотекой, где собраны были книги и на иврите, и на языке идиш – на нем говорили местные евреи. Все это просуществовало и в послереволюционный период, до той поры, пока религия не была объявлена «опиумом для народа». Что же касается идиша, то уместно напомнить: вплоть до 1936 года в Белоруссии было четыре государственных языка – белорусский, русский, польский и еврейский (идиш). При этом печатные издания выходили в свет на белорусском и на языке идиш. Юный Гирш приобщился к чтению – оно увлекло его настолько, что он забывал обо всем остальном. Особенно нравились ему выпускавшиеся в ту пору сериями брошюры под общей рубрикой: «Гешихтес» («Истории»). Когда по субботам в дом Добиных приходили гости, Гирш читал им вслух эти пересказанные авторами веселые (а порою – совсем наоборот) эпизоды из жизни народа, к которому принадлежал он и сам, а слушавшие вставляли свои комментарии – и реплики их были Гиршу не менее интересны, чем сами короткие рассказы из книжек. С 15-летнего возраста подросток начал трудиться, чтобы помочь семье, и занимался самообразованием – эта возможность, в силу сложившихся обстоятельств, была для него единственной дорогой к знаниям. Начал писать и сам. Перебравшись в Харьков, устроился работать на обувную фабрику. В 1928 году в местной еврейской газете появилась первая его литературная публикация. По воспоминаниям Добина, он увидел свое произведение на уличном стенде, где вывешивалась на всеобщее обозрение газета, и Гирша тогда охватило не передаваемое словами чувство удивления и восторга. Позднее Добин сообразил: его рассказ попал в редакцию в нужное время (а редактором этого издания был Генех Казакевич – отец не нуждающегося в особом представлении Эммануила Казакевича). Тогда приближался Международный женский праздник, а героиней добинского повествования была женщина, ведущая борьбу за свои права. К тому же автором рассказа являлся фабричный паренек. Как бы мы сказали сегодня: пазл сложился. Ну и к тому же Казакевич-старший увидел в Гирше задатки писательского таланта. Это привело к личному их знакомству, а далее Добин вошел в круг творческих людей, чьи имена узнала вскоре вся страна – Эммануил Казакевич, Бузи Миллер, Гершл Диамант... Познакомился Гирш и с приехавшим в Харьков из Киева Давидом Гофштейном. Еврейские литераторы слепо верили, что советская власть обеспечит расцвет национальных культур, в том числе – и культуры идиш с богатыми ее традициями. Забегая вперед, отметим: для цвета еврейской интеллигенции в бывшем СССР это заблуждение обернулось трагическими последствиями. Но когда рождается надежда, то трудно разувериться в том, чего так хотелось бы видеть – до тех пор, пока жизнь не расставит все по своим местам. Но в определенный период времени еврейская литература была на взлете. Генех Казакевич помог Гиршу Добину собрать и выстроить под одной обложкой рассказы для первого сборника. Из печати он вышел в 1931 году под названием «Арум а мил» («Возле мельницы»).

Биробиджан. Группа деятелей культуры. Третий слева во 2-ом ряду – Гирш Добин.
1937 год

В 1932-м Казакевичи переехали в Биробиджан, где проводился своего рода эксперимент по созданию еврейского национального образования на земле, к которой народ не был привязан исторически. Автономия трудом и талантом тысяч переселенцев была образована, но изначально не имея будущего. Однако в начале тридцатых годов прошлого века этот край преобразили небывалый энтузиазм и творческая энергия людей, веривших, что родились, чтоб сказку сделать былью. А Гирш Добин, который уже обзавелся семьей, отправился с женой и родившимся сыном в родной Жлобин, задумав написать повесть. В один из дней неожиданно-негаданно получил телеграмму из Биробиджана: «Приезжайте тоже». И оставив в Жлобине родных, Гирш отправился в дальний путь. Он проехал и прошел по земле автономии вдоль и поперек. Его впечатления составили содержание книги «Меж ульев», после чего Добин приступил к работе над романом, который решил посвятить созидательному труду соплеменников на Дальнем Востоке. В те годы Гирш работал в редакции газеты «Биробиджанер штерн» и в радиокомитете. Журналистика подпитывала писательский труд. Первые главы романа были опубликованы в Хабаровске, в переводе с языка идиш на русский язык, но продолжения не последовало – судьба внесла в творческий процесс суровые коррективы.

С поэтом Бузи Миллером. Биробиджан. 1937 год

10 июля 1938 года Гирша Доби́на арестовали. **«Брали тогда всех, – свидетельствовал он, – писателей, журналистов, потом – партийных деятелей».** Добин проходил по сфабрикованному делу вместе с редактором областной газеты и руководителем радиокомитета. Этой тройке инкриминировали шпионаж в пользу Японии, намерение подорвать мост неподалеку от станции Михайло-Семеновская (это сооружение было шириной, можно сказать, в ладонь). Про абсурдность предъявлявшихся обвинений и без того известно. Много писалось и про то, что подследственные, после систематических пыток и истязаний, готовы были подписать любую бумагу. Добин провел в тюрьме в Биробиджане, затем в Хабаровске в общей сложности 18 месяцев. После того как был арестован главный чекист Ежов, волна репрессий начала спадать, и немало заключенных обрело свободу. В их числе оказался и Гирш Добин. В марте 1940-го у него появилась возможность вернуться к семье в Белоруссию. В Минске Гиршу предложили стать в Белостоке собкором газеты «Октябрь» на языке идиш.

Война застала Гирша в редакционной командировке в Волковыске. Выбираясь с оккупированной немцами территории, Добин добрался до Минска и оказался в гетто. Был членом подпольной парторганизации, а с 14 марта 1942 года по 16 июля 1944-го, бежав в леса, партизанил в составе сформированного отряда «Мститель». Помимо боевых операций, партизаны издавали журнал, выпускали книжечки с антифашистскими карикатурами. По воспоминаниям Доби́на, в составе отряда был поначалу создан еврейский взвод, но когда что-то шло не так, то неудачи валили на это подразделение, превращая его, по сути, в козла отпущения. И командование решило распределить

еврейских бойцов по разным взводам. В Минском гетто погибли жена и сын Гирша Доби́на. Спасти их не было никакой возможности. В отряде Гирш вел дневниковые записи, на основе которых им были написаны произведения, связанные, в частности, с темой Катастрофы европейского еврейства. На базе его дневников, а также воспоминаний других очевидцев трагических и героических событий, литератор Давид Гай написал и издал книгу «Десятый круг».

Гирш Добин в редакции журнала «Советиш Геймланд». 1962 год

После освобождения Минской области от фашистской оккупации и расформирования партизанской бригады Добин был направлен в распоряжение Союза писателей СССР в Москву. Ни журналов, ни газет на языке идиш в Белоруссии тогда не оставалось. В столице Гирш был мобилизован в ряды Красной Армии, где оставался до 6 августа 1945 года. После демобилизации он контактировал с теми еврейскими литераторами, которых знал с довоенных времен, – с Самуилом Галкиным, Давидом Гофштейном, Давидом Бергельсоном. Ну а потом начались аресты видных деятелей еврейской культуры. **«Я был уверен, – рассказывал Добин, – что заберут и меня, ведь я уже сидел, а таких брали чуть ли ни в первую очередь. Собрал чемоданчик с самыми необходимыми вещами и ждал – каждый день и час».** Но дело для Гирша ограничилось запретом издавать готовившуюся к печати новую его книгу, на которую дал одобрительный отзыв Казакевич. Рукопись похоронили с примечательным «приговором»: «Книга об одном народе».

У Доби́на появилась новая семья, родились сын и дочь. **«Утрат у меня было больше, чем обретений, – с сожалением говорил Гирш Добин. – Но я жил честно и никогда не шел дифирамбов властям».** Основной темой вышедших в послевоенные годы сборника рассказов «На белорусской земле» («Аф дер вайсрусишер эрд», 1947), сборника «Рассказы» (1956) и романа «Сила жизни» (1965), изданного на русском языке и в 1969 году на идише, а также сборников «В потоке времени» (1976) и «Рассказы» (1977) стало правдивое отображение автором партизанской борьбы с фашистскими захватчиками, героизма и мужества узников гетто. Произведения Гирша Доби́на публиковались в журнале «Советиш Геймланд», а также в зарубежной еврейской прессе. В 1983 году увидела свет его книга на идише «Эрдише вегн» («Пути земные») – в издательстве «Советский писатель».

В 87-летнем возрасте Гирш Добин репатриировался в Израиль, поселившись в городе Ришон ле-Цион, вступил в Союз израильских писателей, продолжая публиковаться на идише и в переводах на русский язык. Еврейскую страну он принял душой и сердцем, заявив в одном из интервью: **«Другого дома у евреев нет и никогда не будет».**

Из жизни он ушел 13 июня 2001 года, когда ему было 96. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, многими медалями, в том числе и

израильскими – за победу над нацизмом. В некрологе, подписанном группой известных литераторов, пишущих на идише, Гирш Добин был назван одним из патриархов идиш-литературы, внесшим значительный вклад в ее развитие.

Личность писателя и его творчество оказали большое влияние на сына Гирша Добины – Владимира, получившего известность в качестве журналиста и талантливого поэта, что можно назвать достойным примером преемственности поколений. Причем унаследовал Володя не только литературный дар, но и лучшие черты отцовского характера – высокую требовательность к себе, принципиальность, и в то же время – дружелюбие, готовность помочь словом и делом каждому, кому необходима поддержка. К большому сожалению, Владимир Добин безвременно ушел из жизни, и творческое его наследие еще по достоинству не оценено. В преподнесенную мне Володей в дар в далеком уже 1997 году книгу «Горькое вино» вошли и строки, посвященные отцу – Гиршу Добину. В одном из стихотворений под названием «Имена» (оно прозвучало еще до выхода в свет упомянутого сборника – когда было написано, в 1994-м, в моей поэтической рубрике на израильском радио, где я тогда работал), Владимир, оглядываясь на прежнюю жизнь, обратился к своему сыну Михаилу:

*«Но кто бы там ни управлял страной
(Веками не разгаданная тайна),
Мы, только мы всему виной –
Все эти -маны, -кляйны, -штайны.
Что за фамилии? Какие имена!
Не потому ли там их многие сменили?
А у тебя, мой сын, своя страна.
И помни, кем фамилия дана:
Ты Гирша внук и правнук Израиля».*

Автор: Фрэдди Зорин